

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ОЧЕРКИ

РАЗГРОМ ОЧАГОВ ВНУТРЕННЕЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ¹

Д. Л. Голинков

б) Антисоветская деятельность меньшевиков

Российская социал-демократическая рабочая партия (меньшевики) сразу же после победы Великой Октябрьской социалистической революции встала примерно на те же антисоветские позиции, что и партия правых социалистов-революционеров. Полностью изменяя интересам рабочего класса, меньшевики утверждали, что Советы являются лишь общественной организацией рабочих и должны представлять их узкопрофессиональные интересы, а не быть государственными органами. Наряду с этим они считали, что вместо Советов нужно создать некие «беспартийные рабочие конференции» и «всероссийский рабочий съезд», которые смогли бы «оказывать влияние» на правительство, оторвать рабочий класс от большевиков и Советской власти. Во всех устремлениях меньшевиков — и это наглядно показала их практика — сквозило желание свергнуть власть рабочего класса и способствовать установлению диктатуры буржуазии. Впервые меньшевикам удалось созвать «беспартийное собрание уполномоченных фабрик и заводов» в Петрограде, в клубе меньшевиков, 13 марта 1918 года. Собрание избрало организационный комитет в составе меньшевиков А. Смирнова, И. Шлейфера и эсера Е. Берга для подготовки созыва «всероссийского съезда уполномоченных от беспартийных рабочих» и организации всеобщей антисоветской забастовки. Организационный комитет принял решение провести забастовку в Петрограде 2 июля 1918 года. Но питерский пролетариат отказался участвовать в меньшевистской затее: все заводы и фабрики в этот день работали. 13 июня меньшевики созвали новое «беспартийное собрание» (на этот раз оно проходило в Москве, в клубе Александровской железной дороги) под предлогом обсуждения продовольственного вопроса. На собрании присутствовало 59 человек, в том числе 44 меньшевика и эсера. Среди делегатов находились член ЦК РСДРП (меньшевик) М. Камермахер-Кефали, секретарь Московского комитета партии меньшевиков Г. Кучин и другие меньшевистские деятели. Организаторы собрания, называвшие его «чрезвычайным собранием представителей фабрик и заводов Москвы», выступали с антисоветскими речами, требовали разрешения свободной торговли, созыва Учредительного собрания, призывали к забастовкам. Но им не удалось приступить к реализации своих планов. 21 июля в Москве собралось около 40 делегатов (незаконно избранных на предприятиях разных городов страны) так называемой «всероссийской конференции уполномоченных от беспартийных рабочих», которой руководили меньшевики Р. Абрамович, А. Смирнов, П. Борисенко, И. Шнаковский, Л. Замараев, М. Вороничев, П. Уханов, бундовец Д. Альтер, эсеры Е. Берг, А. Бейлин, В. Шестаков и С. Толдукаров. Конференция приняла две резолюции. В одной из них говорилось о необходимости «прекращения опытов социализации и национализации» и создания условий для привлечения промышленности русских и иностранных капиталов на «началах свободной конкуренции»; в другой отмечалось, что «основная политическая задача рабочего класса ныне — борьба за низвержение Советской власти и восстановление демократического строя».

Меньшевики участвовали во всех «учредительских правительствах», созданных на территории, занятой контрреволюцией, пока их вместе с эсерами не прогнал сам же белогвардейцы. Тогда они сменили тактику. В ноябре 1918 г. ЦК РСДРП (меньшевики) заявил об отказе от коалиции с буржуазными партиями. В опубликованном им «воззвании к социалистам всех стран» была дана следующая оценка действиям интервентов и внутренней контрреволюции: «Руководствуясь исключительно целью беспрепятственной эксплуатации природных богатств России и ее политического подчинения, союзный империализм пользуется теми анархией и гражданской войной, которая царит в России, чтобы выступить в роли умиротворителя страны и организатора ее экономического и гражданского возрождения... Чтобы покончить с большевистским правительством, союзники спланируют вокруг своих десантов те русские вооруженные силы, которые в ходе гражданской войны образовались в течение последнего года. Социальный характер и политические тенденции этих сил в преобладающем большинстве случаев являются контрреволюционными и реакционными... Действительной программой руко-

¹ Окончание. Начало см.: «Вопросы истории», 1967, № 12; 1968, № 1.

водящих групп антибольшевистской коалиции является отобрание у крестьян взятой ими у помещиков земли и т. п. Весь опыт господства этих групп на Украине, на Дону и в Белоруссии не оставляет в этом сомнения, равно как и деятельность их в Сибири и на Волге, где у власти стояли более демократические группы и где эти контрреволюционеры не останавливались перед попытками государственного переворота, чтобы еще до полной своей победы во всей России обеспечить диктатуру помещичьих и милитаристских элементов». Призвав социалистов всех стран «во имя общих интересов революции, во имя классовой солидарности... к самой активной кампании против иностранного вмешательства в дела русской революции», меньшевики заканчивали воззвание словами: «Пусть лозунгом международного пролетарского движения станет... свобода русскому народу устраивать свое будущее!»².

И хотя в воззвании ни слова не говорилось о поддержке меньшевиками Советской власти, ВЦИК 30 ноября по предложению В. И. Ленина принял постановление: «Всероссийский Центральный Исполнительный комитет Советов, обсудив вопрос об отношении к тем политическим группам, которые его постановлением от 14 июня 1918 года были исключены из ВЦИК Советов и местных Советов за совместные с контрреволюционными группами буржуазии выступления против Советской власти, считает ныне необходимым изменить принятое 14 июня решение. Рост пролетарской революции явно разделил весь мир на два стана, которые находятся в решительной и решающей борьбе. Для всех промежуточных групп неизбежно делать выбор между пролетариатом и мировой буржуазией. Поскольку эти промежуточные группы, представляющие в своей политике колебания мелкобуржуазной демократии, безоговорочно вступают в союз с имущими классами и готовы стать на защиту социалистической революции против штыков англо-американского империализма, рабочий класс видит в этом повороте свидетельство правильности своей политики. Ознакомившись с содержанием резолюции и воззванием ЦК РСДРП (меньшевиков), ВЦИК Советов констатирует, что эта партия, по крайней мере в лице ее руководящего центра, ныне отказалась от союза (коалиции) с буржуазными партиями и группами, как российскими, так и иностранными. Тем самым партия меньшевиков открыла для себя возможность принимать наряду с другими партиями участие в работе Советов, в работе по организации и обороне страны. ВЦИК Советов, исходя из этого, постановляет: считать недействительной резолюцию от 14 июня 1918 года в той ее части, которая касается партии меньшевиков»³. Тогда же, в ноябре 1918 г., на основании амнистии судебные власти прекратили расследование дела о меньшевистских «рабочих конференциях».

На протяжении 1919—1920 гг. меньшевики считали для себя полезным публично высказываться против генералов-монархистов и контрреволюционной буржуазии и декларировали благожелательное отношение к революции, чтобы не оттолкнуть трудящихся. Так, на VII Всероссийском съезде Советов (декабрь 1919 г.) меньшевик Ф. Дан говорил: «Каково бы ни было наше отрицательное отношение к политике большевистского правительства, пусть знают все враги русской революции, что наша партия все силы поставит рядом с этим правительством каждый раз, когда речь пойдет о защите революции»⁴. Один из меньшевистских лидеров, Л. Мартов, разъясняя политику своей партии в годы гражданской войны, писал впоследствии: «Политическая тактика нашей партии в 1918—1920 г. определялась, прежде всего, тем фактором, что история сделала большевистскую партию защитницей самых основ революции против вооруженных сил внутренней и внешней контрреволюции. Эта обязанность поддерживать большевиков усиливалась сознанием, что... они выражают революционный порыв широких... масс городского и сельского пролетариата»⁵.

Таковы были их слова. Но иными были их дела. В июле 1919 г. меньшевики опубликовали декларацию под названием «Что делать?». В ней они потребовали расширить избирательные права в Советы; организовать «свободные выборы» путем тайного голосования; восстановить свободу печати, собраний; ликвидировать чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией и отменить смертную казнь. И это в грозное время гражданской войны, когда денкинские полчища рвались к Москве! На территориях, занятых белогвардейцами, меньшевики по-прежнему проводили соглашательскую политику. Они приспособлялись к монархистской контрреволюции и часто сотрудничали с белогвардейцами под предлогом «защиты профессиональных интересов рабочих». В марте 1920 г. Киевский чрезвычайный революционный трибунал установил, что лидеры киевских меньшевиков «1) Кучин-Оранский, Романов, Ланда и Шпер, состоя членами Центрального бюро киевских профсоюзов, в период денкинщины: а) под флагом независимости профессионального движения осуществляли сотрудничество с белогвардейской властью и руководителями капиталистической промышленности... б) дошли до падения, никогда не слыханного даже в истории социал-соглашательства, обратившись к уполномоченному по делам промышленности при главнокомандующем вооруженными силами юга России с просьбой о выдаче центрального бюро суды, а также поддерживая аналогичное ходатайство рабочего кооператива «Сила»... в) в момент

² См. «Известия ЦИК», 26.XI.1918.

³ «Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства», 1918, № 91, ст. 926.

⁴ «Правда», 6.XII.1919.

⁵ «Правда», 10.X.1922.

смертельной опасности для Советской республики центральное бюро обратилось с предательской запиской к рабочим организациям Западной Европы, в которой убеждало в полном экономическом, политическом и моральном крахе Советской власти и тем самым содействовало наиболее реакционной воинствующей части мирового империализма в политике удешевления Советской власти. 2) Кучин-Оранский, Биск, Скаржинский, Семковский, Сумской-Каплун и Балабанов, состоя членами комитета Киевской организации РСДРП (меньшевиков) в период деникинщины, послали представителей партии в восстановленную после ухода советских войск городскую управу и допустили пребывание их в ней в течение более полутора месяцев, невзирая на то, что городская управа с приходом добровольческой армии получила назначенческий характер, и несмотря на многочисленные черносотенные выступления от имени общественного самоуправления городского головы Рубцова. 3) Слицын и Кручинский, исполняя поручение Киевской организации РСДРП (меньшевиков), вошли в состав городской управы, восстановленной после ухода советских войск, и оставались в ней в течение более полутора месяцев, являясь выгодным прикрытием для белогвардейской власти»⁶. Аналогичное дело — о сотрудничестве меньшевиков с деникинцами на Дону — рассматривалось в Верховном революционном трибунале в 1921 году. Именем меньшевистской партии ее члены прикрывали белогвардейский террор.

После окончания гражданской войны меньшевики пытались возгласить мелкобуржуазную стихию. Кронштадтские события марта 1921 г. были в значительной степени спровоцированы и агитацией меньшевиков среди отсталой, утопленной войною части населения. Новую экономическую политику меньшевики расценили как признак возврата к капитализму. Они пытались вынудить Советское правительство к капитуляции перед капиталистическими элементами; предлагали передать частному капиталу, национальному и иностранному, все предприятия промышленности и допустить в полной мере частную инициативу. В политической области они вновь выступили за создание «демократической республики». Л. Мартов в эмигрантском «Социалистическом вестнике» (октябрь 1922 г., № 4) так определил политическую задачу меньшевиков в период нэпа: «Целью организационной борьбы является возможно безболезненный переход от режима диктатуры... к режиму демократической республики... (Этот переход.— Д. Г.) подсказывает партии выдвигание тактических переходных лозунгов: «свободные Советы», «соблюдение советской конституции» и т. п. в сознании, что их осуществление и даже только борьба за их осуществление облегчит путь к дальнейшей глубокой демократизации... В период 1918—1920 гг. эта цель установления нормально функционирующего режима не ставилась партией в плоскость очередных задач... Теперь задачей дня является не подготовка условий перехода к нормальному режиму демократии, а самый этот переход... Таким образом, основная политическая задача может быть сформулирована в нашей программе как борьба всеми средствами организованного массового движения за переход к нормальному режиму демократической республики»⁷.

Надеясь на буржуазное перерождение Советского государства, меньшевики стали обосновываться в хозяйственных учреждениях и в ряде мест заняли ответственные посты. В то же время партийные организации меньшевиков вели нелегальную антисоветскую пропаганду, пытались внедрить в сознание масс меньшевистские идеи. Но надежды меньшевиков не оправдались: трудящиеся давным-давно уже отмежевались от этой партии. Между тем меньшевики усилили свою антисоветскую деятельность. Об этом свидетельствуют, в частности, их заговоры, раскрытые впоследствии. Хотя речь идет о конце 20-х годов, то есть о времени, стоящем за рамками рассматриваемого периода, мы считаем полезным вкратце сказать об этом. В начале 1928 г. в Москве по указанию эмигрантского ЦК меньшевистской партии (Дан, Абрамович, Гарви) было образовано нелегальное «Союзное бюро ЦК РСДРП (меньшевиков)». В его состав вошли видные в прошлом меньшевистские деятели, многие из которых в конце 20-х годов занимали ответственные посты в центральных хозяйственных учреждениях Советского государства: В. Громан — член Президиума Госплана СССР, В. Шер — член правления Госбанка СССР, А. Гинзбург — ответственный работник ВСНХ, А. Соколовский — ответственный работник ВСНХ, Л. Залкинд — ответственный сотрудник Центросоюза, М. Якубович — заместитель начальника сектора снабжения Наркомторга СССР, И. Волков — ответственный работник ВСНХ, К. Петунин — член правления Центросоюза. В начале 1929 г. в состав «Союзного бюро» вошел экономист Н. Суханов. Руководящими деятелями «Союзного бюро» стали Громан, Шер, Гинзбург и Суханов. «Союзное бюро» поддерживало постоянную связь с меньшевистским заграничным центром, находившимся в Берлине. С этой целью члены организации А. Финн-Енотаевский и В. Иков вели регулярную переписку с Берлином, а члены «Бюро» Громан, Петунин и Гинзбург осуществляли контакты с членами эмигрантского ЦК во время своих поездок за границу. В свою очередь, из Берлина в Москву приезжали некоторые руководящие деятели меньшевиков (один из них, Броунштейн, весной 1929 г. был задержан в СССР). Финансовые средства для «Союзного бюро» поступали от контрреволюционной буржуазной организации «Промпартия» и заграничного ЦК партии меньше-

⁶ «Партия меньшевиков и деникинщина. Процесс киевских меньшевиков». М. 1923, стр. 117—119.

⁷ См. «Правда», 10.X.1922.

виков. В 1928 г. ЦК РСДРП (меньшевики) дал указание всем своим местным организациям в СССР приступить к вредительству в хозяйственной области с тем, чтобы дезорганизовать экономику страны и вызвать тем самым недовольство советских трудящихся, а также дал указания о переходе к политике вооруженной борьбы с Советской властью.

О существовании «Союзного бюро» органам ОГПУ стало известно позднее, во время расследования дел «Промпартии» и «Трудовой крестьянской партии», имевших с ним связи. При обыске на конспиративной квартире «Союзного бюро», которую содержал И. Желудков, было найдено несколько экземпляров «Социалистического вестника» — эмигрантского органа ЦК РСДРП (м) — и прокламации, присланные из-за границы для распространения в Москве. На допросе Желудков показал: «Семь или восемь раз ко мне засылали «Социалистический вестник», и каждый раз в небольшом количестве, до 10 экземпляров, с тем, чтобы я их передал тем лицам, которые придут от Шера с паролем. Я им по его указаниям эти номера выдавал. У меня остались нераспределенными несколько экземпляров, а также несколько экземпляров летучек-прокламаций»⁸. Обвиняемый М. Якубович сознался, что написал для «Социалистического вестника» ряд статей, в которых клеветнически характеризовал советскую экономику. Судебный процесс по делу меньшевиков проходил в специальном присутствии Верховного Суда СССР под председательством Н. М. Шверника с 1 по 9 марта 1931 года. Верховный Суд установил, что, являясь противниками пролетарской диктатуры и сторонниками восстановления капитализма в Союзе ССР, политически обанкротившиеся в период революции, участники гражданской войны на стороне царских генералов, капиталистов и интервентов, потерявшие всякую почву в рабочем классе, русские социал-демократы (меньшевики) рассчитывали на перерождение Советской власти и восстановление капитализма в результате новой экономической политики. Так как эти расчеты не оправдались, а Советская власть повела решительное наступление на капиталистические элементы, успешно строя социализм в своей стране, русские социал-демократы (меньшевики) перешли к тактике, направленной на свержение Советской власти путем вредительства в социалистическом хозяйстве и вооруженной интервенции... Вредительство производилось всеми членами «Союзного бюро» и членами особых вредительских ячеек, созданных социал-демократами в ряде советских учреждений... Не имея никакой опоры в рабочем классе и бедняцко-среднепечных массах в деревне, потерпев неудачу в попытках даже путем вредительства вызвать недовольство в массах и поднять их против Советской власти, русские социал-демократы (меньшевики) пришли к признанию необходимости интервенции и к усилению вредительской работы в целях активной подготовки ее. Эта установка на интервенцию возникла и у «Союзного бюро» и у заграничного центра русских социал-демократов (меньшевиков), причем последние настойчиво выдвигали эту установку перед «Союзным бюро»... Принятие курса на интервенцию и на вредительство, как средство ее подготовки, привело русских социал-демократов (меньшевиков) к заключению тесного политического блока с кулацко-эсеровской контрреволюционной партией Кондратьева — Чайнова и с «Промпартией», являющейся интервенционистской, шпионско-вредительской организацией крупной буржуазии». Верховный Суд СССР приговорил 14 привлеченных к ответственности членов «Союзного бюро» к лишению свободы на срок от пяти до десяти лет. Эти лица были лишь мутной пеной на поверхности мощного революционного водоворота. История давно уже выбросила за борт эту целиком дискредитировавшую себя в глазах трудящихся антисоветскую партию.

в) Левозсеровские мятежники

Левые социалисты-революционеры формально порвали с правым большинством своей партии тотчас после Великой Октябрьской социалистической революции. В начале декабря 1917 г. они получили в составе Совета Народных Комиссаров РСФСР целых семь мест, заняв важные правительственные посты. Однако вскоре эсеры начали борьбу против большевиков. Сначала левые эсеры выступили против заключения Брестского мирного договора. После того, как IV Всероссийский съезд Советов (март 1918 г.) большинством голосов ратифицировал Брестский мирный договор, левые эсеры вышли из состава Совета Народных Комиссаров, оставшись, однако, в составе ВЦИК и в других советских органах, в том числе и в Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией. Затем разногласия коснулись и других вопросов политики Советской власти, особенно вопроса о крестьянстве в связи с созданием комитетов бедноты. 4 июля 1918 г. в Москве открылся V Всероссийский съезд Советов. Левые эсеры рассчитывали на нем не более чем одной третью голосов, но вели себя крайне агрессивно. Они выступили против комбедов и продовольственных отрядов. Но особенно они ополчились против большевиков при обсуждении вопроса о положении на Украине, где немецкие интервенты поставили у власти гетмана Скоропадского. Не считаясь с тяжелым состоянием страны, разоренной изнурительной четырехлетней войной, левозсеровские лидеры призывали к срыву мирного договора с Германией и возобновлению воен-

⁸ «Стенограмма судебного процесса контрреволюционной организации меньшевиков». М. 1931, стр. 154.

⁹ Там же, стр. 465—472.

ных действий. Один из членов ЦК партии левых эсеров, Б. Камков, выступая 5 июля с трибуны V съезда Советов, грозил расправой германскому посланнику графу Мирбаху, находившемуся в дипломатической ложе. «Они [солдаты]... восклицал Камков, — не будут молчаливыми свидетелями того, как рукой германского разбойника, рукой палачей, которые сюда явились, рукой мерзавцев, грабителей, разбойников...» Шум не позволил оратору закончить фразы. Создалась крайне накаленная обстановка...

6 июля около двух часов дня в германское представительство в Москве явились двое неизвестных. Один из них назвал себя членом ВЧК Блюмкиным, другой — членом революционного трибунала Андреевым. Пришедшие предъявили удостоверение, скрепленное печатью, за подписью председателя ВЧК Ф. Э. Дзержинского и секретаря ВЧК И. К. Ксенофонтова и потребовали свидания с Мирбахом для переговоров по служебному делу. Мирбах после некоторого колебания согласился принять явившихся. В приемной посольства собрались Мирбах и его сотрудники — советник Ритцлер и лейтенант Мюллер. Один из пришедших, назвавшийся Блюмкиным, стал рассказывать о деле некоего Роберта Мирбаха, арестованного ВЧК по обвинению в антисоветском шпионаже и являвшегося будто бы племянником посланника. Мирбах, прервав Блюмкина, заявил, что данный вопрос его не интересует. Тогда Блюмкин спросил: «Видимо, графу интересно, какие меры будут приняты с нашей стороны?» После этих слов он и Андреев вскочили с мест и открыли стрельбу в посланника и его сотрудников. Мирбах кинулся в другую комнату, но за ним последовал Блюмкин и бросил в него бомбу. В результате Мирбах был убит, а его сотрудники ранены. Воспользовавшись поднявшейся суматохой, террористы выскочили через окно во двор и скрылись, уехав в ожидавшем их автомобиле.

Пронесшее было чревато серьезными политическими осложнениями. Убийство германского посланника лицами, назвавшимися работниками советских органов, могло ухудшить отношения Советской России с Германией. Столь нужный тогда стране мир ставился под угрозу. В. И. Ленин и Я. М. Свердлов явились в германское представительство и пришли от имени Советского правительства извинения. Для расследования событий прибыл и председатель ВЧК Ф. Э. Дзержинский. Осмотрев оставленное убийцами удостоверение, он установил, что подписи под ним подделаны, хотя печать ВЧК и бланк удостоверения являлись подлинными. Фамилия Блюмкин была известна Дзержинскому: ее носил один из левых эсеров, работавший в то время в ВЧК в качестве начальника отделения по борьбе с немецким шпионажем. Поэтому возникли подозрения, что убийство Мирбаха совершено левыми эсерами. Сотрудники ВЧК принялись за розыск Блюмкина и выяснили, что он скрывается в Трехсвятительском переулке в отряде ВЧК, находившемся под командованием левого эсера Д. Попова. Попов отказался выдать чекистам Блюмкина. Тогда Ф. Э. Дзержинский сам отправился в отряд. В докладе правительству он так писал о последовавших затем событиях: «В это время, в сопровождении нескольких десятков вооруженных матросов, подошли ко мне члены ЦК, левые эсеры Прошьян и Карелин, заявив мне, что я напрасно ищу Блюмкина... что Блюмкин убит графа Мирбаха по распоряжению ЦК партии левых эсеров. В ответ на это заявление я объявил Прошьяна и Карелина арестованными, сказав присутствовавшему при этом начальнику отряда Попову, что если он, как подчиненный мне, не подчинится и не выдаст их, то я моментально пушу ему пулю в лоб, как изменнику. Прошьян и Карелин тут же заявили, что они повинуются моему приказанию, но вместо того, чтобы войти в мой автомобиль, они вошли в соседнюю комнату, где заседал ЦК, и вызвали Спиридонову, Саблина, Камкова, Черепанова, Александровича, Трутовского, начальника их боевых дружин Фишмана и других. Меня окружили со всех сторон матросы; вышел Саблин и приказал мне сдать оружие. Тогда я обратился к окружающим матросам и сказал, позволят ли они, чтобы какой-то господин разоружил меня, председателя ЧК, отрядом которого они состоят. Матросы заколебались. Тогда Саблина, приведший 50 матросов из соседней комнаты, при помощи Прошьяна, который схватил меня за руки, обезоружили. Черепанов и Саблин с триумфом сказали: вы стоите перед совершившимся фактом, Брестский договор сорван, война с Германией неизбежна...»¹⁰. Таким образом, в первые же часы после убийства Мирбаха стало известно, что террористический акт совершили по решению ЦК партии левых эсеров лица, работавшие в ВЧК (ближайшим участником преступления был левый эсер В. Александрович, занимавший пост заместителя председателя ВЧК; это он использовал служебную печать ВЧК для подложного удостоверения, по которому Блюмкин и Андреев проникли в германское посольство); что в отряде ВЧК обосновался штаб левозеролевских заговорщиков — их Центральный комитет.

События стремительно развертывались дальше. Мятеежники арестовали Ф. Э. Дзержинского и объявили его заложником, чтобы обеспечить безопасность лидера левых эсеров М. Спиридоновой, которая отправилась на заседание V Всероссийского съезда Советов. Они опубликовали ряд прокламаций и разослали агитаторов в части Московского гарнизона, пытались найти поддержку у красноармейцев. Как выяснилось впоследствии, левые эсеры действовали в соответствии с принятым ЦК их партии 24 июня 1918 г. секретным постановлением, в котором говорилось: «Обсудив настоящее положение Республики, ЦК нашел, что в интересах русской и международной революции необходимо в самый короткий срок положить конец так называемой передышке, со-

¹⁰ «Известия ЦИК», 8.VII.1918.

здавшейся благодаря ратификации большевистским правительством Брестского мира. В этих целях ЦК считает возможным и целесообразным организовать ряд террористических актов в отношении виднейших представителей германского империализма. Одновременно с этим ЦК партии постановил организовать для проведения в жизнь своего решения мобилизацию надежных военных сил и приложить все меры к тому, чтобы крестьянство и рабочий класс примкнули к восстанию и активно поддерживали партию в этом выступлении»¹¹. Левые эсеры стремились сорвать мирный договор с Германией и тем самым вовлечь Советскую Россию в войну с германским империализмом, что могло привести к гибели революции. Спиридонова на III съезде партии левых эсеров (28 июня — 1 июля 1918 г.) говорила: «Мы зовем к тому, чтобы мирный договор... был сорван. В ответ будут репрессии по отношению к нам, и германские империалисты пришлют карательные экспедиции — это наше спасение. Карательные экспедиции на Украине создали восстание. Никакими лозунгами, никакими митингами мы не в состоянии поднять крестьянство, сейчас скашивающее хлеб, на отпор. И только тогда, когда карательными экспедициями будет покрыта вся Россия, будет создан стимул, заставляющий народ сопротивляться». «Мы должны, — продолжала Спиридонова, — с уверенностью сказать, что нам удастся победить партию большевиков и заставить ее подчиниться нашей воле. Но для этого надо развить с огромной интенсивностью всю нашу работу, захватывая аппараты власти на местах»¹².

История показала антинародное, авантюристическое существо политики левозерских лидеров, а логика событий привела их к тому, что они вступили в вооруженную борьбу с Советской властью. Осуществляя тактику так называемой «вооруженной обороны занятых позиций», заговорщики мобилизовали военные силы и stanули в Москву некоторые свои периферийные боевые дружины. Они выставили в Москве патрули, задерживали автомобили, арестовывали большевиков — ответственных работников (ими было арестовано 27 человек). Пользуясь тем, что отряд Попова нес охрану ВЧК, они арестовали М. Я. Лациса, назначенного, после того как эсерами был задержан Ф. Э. Дзержинский, председателем ВЧК, захватили председателей Московского Совета П. Г. Смидовича и объявили всех их заложниками. Отряд, который возглавил член ЦК партии левых эсеров П. Прошьян, занял помещение Центрального телеграфа на Мясницкой улице и передавал оттуда воззвания заговорщиков. Дошло до того, что один из руководителей почтово-телеграфного ведомства, левый эсер Лихабадин, издал приказ: «Всякие денешки за подписью Ленина, Свердлова, а равно и денешки, направляемые контрреволюционерами, партиями правых эсеров и социал-демократов меньшевиков, ненавистниками Советской власти, — задерживать, признавая их вредными для Советской власти и правящей в настоящее время партии левых эсеров, в частности»¹³.

Советское правительство приняло меры к подавлению мятежа, опасность которого усиливалась тем, что в той острой политической обстановке им могли воспользоваться белогвардейские элементы. На борьбу были мобилизованы партийные организации большевиков и верные революции воинские части. Общее руководство ликвидацией мятежа было поручено Н. И. Подвойскому, а непосредственное командование войсками — командиру латышской дивизии И. Н. Вацетису. Все левозерские делегаты V Всероссийского съезда Советов во главе с М. Спиридоновой были изолированы. Рано утром 7 июля началась операция, и к двум часам дня был очищен район, занятый левыми эсерами; захваченные ими заложники были освобождены, а мятеж ликвидирован. В правительственном сообщении отмечалось: «Ликвидация мятежа была вполне достойна первоначального замысла и всего хода этой постыдной авантюры... Поставя перед собой такую цель, как захват государственной власти, вожди левых эсеров, по-видимому, совершенно не оценивали размеров и значения этой совершенно непосильной для них задачи. Мятежники после ничтожных попыток сопротивления начали посылать в разных направлениях парламентаров, а затем перешли к беспорядочному отступлению»¹⁴. В процессе ликвидации мятежа был задержан один из организаторов убийства Мирбаха, бывший заместитель председателя ВЧК В. Александрович, а также 12 членов отряда Попова, участвовавших в аресте сотрудников ВЧК и в военных действиях. По решению ВЧК эти изменники были расстреляны¹⁵. Рядовые участники выступления, взятые в плен, были освобождены. В. И. Ленин охарактеризовал левозерский мятеж как «бесмысленную и преступную авантюру», «безумную попытку... ухватиться Мирбаха вовлечь нас в войну», авантюру, в результате которой «Россия оказалась на волосок от войны», а лидеров заговора — как людей, «увлеченных звонкой фразой», «безголовых», «преступных авантюристов, интеллигентов-истериков», «оказавшихся пособниками белогвардейцев, помещиков и капиталистов»¹⁶.

Для расследования событий 6—7 июля Совнарком образовал следственную комиссию в составе П. И. Стучки, В. Э. Кингисеппа и Я. С. Шейнкмана. Проведя расследование, комиссия привлекла к ответственности членов ЦК партии левых эсеров Спири-

¹¹ «Красная книга ВЧК». Т. I. М. 1920, стр. 209—210.

¹² См. В. Владимирова. Левые эсеры в 1917—1918 гг. «Пролетарская революция», 1927, № 4(63), стр. 113.

¹³ «Известия ЦИК», 8.VII.1918.

¹⁴ Там же.

¹⁵ «Известия ЦИК», 14.VII.1918.

¹⁶ В. И. Ленин. ПСС. Т. 36, стр. 518—519, 525—526, 531—532.

донову, Майорова, Прошьяна, Фишмана, Камкова, Карелина, Трутовского, Магеровского, Голубовского, Черепанова, Саблина, а также Попова, Блюмкина и Андреева. Центральная обвинительная коллегия Верховного революционного трибунала 16 ноября 1918 г. составила обвинительное заключение, в котором была дана судебная оценка преступлений лидеров партии левых эсеров. В этой части заключения говорилось: «Все вышеперечисленные лица [обвиняются] в том, что с преступным легкомыслием, хотя и руководимые ложным пониманием своих обязанностей борьбы за великие цели революционного освободительного движения рабочих и крестьян, убийством Мирбаха поставили Советскую Республику и Российскую Революцию под угрозу величайшей опасности быть раздавленными превосходящими силами буржуазного империализма Германии в момент, когда собственные военные силы республики не были еще в состоянии оказать должного сопротивления; подвергли этим опасности русский пролетариат и крестьянство очутиться под властью буржуазии, восстановленной при помощи немецких штыков, в чем названные лица ясно и определенно отдавали себе отчет; и затем путем вероломства, лжи и клеветы еще более усугубили ту же опасность, предоставив таким образом для всех контрреволюционных сил удобный момент для своего, в свою очередь, выступления против Советской власти, в союзе с русской буржуазией и для удушения революции; и всем этим подвергли опасности и приближающуюся мировую революцию, объективно оказавшись тем самым в рядах врагов революции в качестве их деятельных помощников и наиболее активных пособников»¹⁷. 27 ноября Верховный революционный трибунал, заслушав дело о руководителях левозероверского мятежа, приговорил: Прошьяна, Камкова, Карелина, Трутовского, Магеровского, Голубовского, Черепанова, Блюмкина, Андреева, Майорова и Фишмана к заключению в тюрьму сроком на три года; Спиридоньву и Саблина — к одному году лишения свободы. Попов, бежавший от правосудия, был объявлен «врагом трудящихся, стоящим вне закона». Но, как случалось не раз, даже такой мягкий приговор не был осуществлен до конца. Постановлением Президиума ВЦИК от 29 ноября 1918 г. Спиридонова и Саблина были освобождены от наказания по амнистии. Не подверглись позднее наказанию по этому приговору и лица, заочно осужденные. Непосредственный убийца Мирбаха Блюмкин, явившийся в органы ВЧК с повинной, был амнистирован 16 мая 1919 г. Президиумом ВЦИК¹⁸.

Провокационная авантюра левозероверских лидеров была неожиданной для многих местных организаций партии левых эсеров. В Москве образовалась группа левых эсеров, которая официально порвала с политикой своего ЦК. 18 августа 1918 г. на организационном собрании она объявила себя партией «народников-коммунистов» и стала издавать газету «Знамя трудовой коммуны». В Саратове по инициативе влиятельных левозероверских деятелей (А. Коллегаева, А. Биценко, А. Устинова, М. Доброхотова, В. Безеля) в сентябре 1918 г. был созван Всероссийский съезд левых эсеров, не согласных с политикой Центрального комитета своей партии. Съезд признал недопустимой попытку насильственного срыва Брестского мирного договора и высказался за поддержку Советского правительства. Участники съезда вышли из партии левых эсеров и объявили себя «партией революционного коммунизма». Советское правительство, не желая разрыва с революционными элементами левозероверской партии, приняло решение исключить из Советов только тех левых эсеров, которые солидаризировались с авантюристической политикой своего Центрального комитета. Между тем лидеры и «активистские» слои партии левых эсеров продолжали антисоветскую деятельность. 13 октября 1918 г. в Петрограде на общем собрании 2-го Балтийского экипажа часть моряков, в большинстве своем состоявшая из крестьян, настояла на принятии резолюции, в которой содержались типично левозероверские требования¹⁹. Возбужденные антисоветской агитацией, матросы арестовали своих командиров и комиссаров и выбрали новых; вечером 14 октября они вышли на площадь перед Мариинским театром и, принудив администрацию театра предоставить в их распоряжение духовой оркестр, двинулись на набережную Невы. Демонстранты призывали личный состав всех кораблей примкнуть к их движению и едва не избili прибывшего к ним главного комиссара Балтийского флота И. Флеровского. Вскоре, однако, нарушители дисциплины были окружены и обезоружены. Как выяснила Петроградская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, «организатором выступления был Петроградский комитет партии левых эсеров, ибо резолюция, принятая матросами 2-го Балтийского экипажа, была выработана при участии членов комитета и единогласно одобрена затем на Петроградской конференции партии, которая послала приветствие матросам. Кроме того, печатание резолюции происходило на ротаторе в помещении Петроградского комитета, и Петроградский комитет посылал на матросские митинги своих партийных агитаторов»²⁰. Главарем выступления был моряк Черноморского флота, левый эсер, участник V съезда Советов Я. Шашков. Используя недовольство части матросов в связи с нехваткой продовольствия и обмундирования и искусственно возбуждая новые взрывы недовольства, он постепенно перешел к обычной левозероверской агитации и увязал свою «работу» с деятельностью членов Петро-

¹⁷ «Красная книга ВЧК». Т. I, стр. 220, 222.

¹⁸ Там же, стр. 221—224, 235.

¹⁹ «Петроградская правда», 17.X.1918.

²⁰ «Петроградская правда», 30.X.1918.

градского комитета партии левых эсеров матроса Мозжухина, Хаскелеса и члена морской секции комитета бывшего белогвардейского офицера Дедова. Организаторы авантюристского выступления понесли заслуженное наказание.

И все же Советское правительство относилось к лидерам партии левых эсеров весьма терпеливо, надеясь, что они сумеют преодолеть свои экстремистские настроения. Эти надежды, казалось, возросли после того, как в Германии разразилась революция и Брестский мирный договор был аннулирован. Однако все благожелательные акты Советской власти в отношении левых эсеров не оказали на них должного воздействия. Ряд сведений, поступавших в органы ВЧК, говорил о том, что левые эсеры готовились к новым агрессивным выступлениям. На конференциях левозэсеровской партии 15 ноября и 20 декабря 1918 г. были приняты решения создать при губернских комитетах этой партии специальные отделы «по конспиративной подготовке свержения большевиков, организации экспроприаций и террористических актов», «контрразведки — для ведения учета квартир и местожительств всех ответственных работников коммунистов, в особенности членов чрезвычайных комиссий». Орган партии левых эсеров «Наш путь», издававшийся в Вильно, 3 февраля 1919 г. опубликовал написанную одним из левозэсеровских лидеров статью, в которой говорилось, что «только немедленный переход власти к нашей партии может спасти положение». В той же газете была помещена резолюция II съезда партии левых эсеров по военному вопросу. В ней указывалось, что партия «считает необходимым: а) широчайшую политическую и военную подготовку восстания трудящихся; б) введение явочным порядком солдатских комитетов в существующей Красной Армии»²¹. Выступления левых эсеров на рабочих собраниях становились все более резкими. Эти обстоятельства вынудили ВЧК принять необходимые меры. 11 февраля 1919 г. в Москве были арестованы Спиридонова, Штейнберг (бывший народный комиссар юстиции), Трутовский, Рыбин, Прокопович, Розенблюм, Сирота, Кроник и другие видные левозэсеровские деятели. Тогда же была обнаружена и ликвидирована конспиративная квартира этой группы и нелегальная типография. Были задержаны некоторые левые эсеры в других городах. 24 февраля в Московском революционном трибунале под председательством А. Дьяконова рассматривалось дело Спиридоновой, обвинявшейся в контрреволюционной агитации. Революционный трибунал «признал доказанным, что Мария Спиридонова в своих выступлениях в январе 1919 г. на московских митингах, на фабриках и заводах публично клеветала на Советскую власть и ее представителей и искусственным подбором ничем не обоснованных обвинений и фактов дискредитировала вождей рабоче-крестьянской революции, своей безответственной, преступной агитацией среди рабочих, крестьян и солдат способствовала дезорганизации революционных сил и, таким образом, бессознательно помогала контрреволюции. Деятельность Марии Спиридоновой, как представительницы политической группы левых эсеров, при недостаточно окрепшем положении красного фронта и тыла Советской России, в связи с чрезвычайно сложным положением ее в борьбе с мировым империализмом, является вредной. Переходя к определению меры наказания в отношении Марии Спиридоновой, революционный трибунал указывал: «Принимая во внимание болезненно-истерическое состояние обвиняемой, не преследуя в наказании целей отпущения врагам революции и не желая причинять Марии Спиридоновой излишних страданий, одновременно с тем охраняя рабоче-крестьянскую революцию и стоя на страже ее завоеваний, трибунал постановил изолировать Спиридонову от политической и общественной деятельности на один год посредством заключения ее в санаторий, с предоставлением ей возможности здорового физического и умственного труда»²².

Разложение и распад левозэсеровской партии продолжались. Ее революционные элементы порывали с центром и вступали в большевистскую партию. От линии ЦК партии эсеров отошел участник мятежа П. Прошьян. Вступили в партию большевиков Ю. Саблин и Я. Фишман, бывшие народные комиссары левые эсеры А. Коллегаев, А. Биценко и другие. Но немногочисленные группы «активистов» все более скатывались на путь открытых врагов Советской власти или вливались в ряды анархистов. В итоге левозэсеровская партия сошла со сцены, сама себя похоронив.

г) Подрывная деятельность анархистов

Некоторые немногочисленные группы анархистов принимали участие в Великой Октябрьской социалистической революции. Однако впоследствии в полной мере проявились их организационная распушенность и мелкобуржуазная идеология. Каждая анархистская группа действовала самостоятельно, не признавая никакого подчинения и общепролетарской дисциплины. Анархисты не делали различий между буржуазным государством и советским государством и требовали немедленного перехода к «безгосударственному» строю. 31 января 1918 г. анархисты Л. Черный, В. Гармаш, М. Крупенин и А. Гордин образовали «Совет Московской федерации анархистских групп». Советом была создана для «борьбы с буржуазией» так называемая «Черная гвардия», которая на первых порах являлась легальной. Под влиянием Совета федерации в Москве стали расти анархистские группки, носившие разные названия: «Ураган», «Аван-

²¹ «Известия ЦИК», 13.II.1919.

²² «Известия ЦИК», 25.II.1919.

гارد», «Борцы», «Студенческая группа», «Коммуна Морозова», «Десма»; одна их часть признавала федерацию как центральную объединяющую организацию, другая — не признавала. Каждая группа самовольно захватывала помещения, преимущественно особняки, принадлежавшие прежде буржуазии, и начинала осуществлять экспроприации «для приобретения средств на нужды организации». Нередко под видом анархистских образовывались уголовные шайки, занимавшиеся грабежами. Вскоре и в составе «Черной гвардии» появились уголовники, которые занимались разбоем. Одна из анархистских газет, «Буревестник», пыталась даже «теоретически обосновать» участие преступных элементов в анархистских группах. Она писала: «За нами идет целая армия преступности. Мы это хорошо знаем. Почему же мы идем вместе? Вернее, почему они идут под нашим прикрытием? У нас с внешней стороны одна цель. Мы разрушаем современное общество, и они разрушают. Мы выше современного общества, а они ниже. Но мы с глубоким презрением к современному обществу протягиваем руку этим преступникам. У нас общий враг — современное общество... Мы приветствуем всякое разрушение, всякий удар, наносимый нашему врагу... Разите его, dokonайте его — вот возгласы поощрения, издаваемые нами при всяком покушении, при всяком посягательстве на современное общество»²³.

Дезорганизаторские действия анархистских групп не могли быть терпимы. ВЧК объявила, что первой ее задачей будет борьба за полную безопасность и неприкосновенность личности и имущества граждан, защита их от произвола и насилий захватчиков и бандитов, разбойников и хулиганов и просто воров, осмеливающихся выдавать себя за представителей революционных организаций²⁴. В ночь на 12 апреля 1918 г. по решению ВЧК и городских властей в Москве чекисты разоружили различные сомнительные анархистские группы и арестовали около 400 человек. В разъяснении ВЧК говорилось, что эта операция направлена против бандитов и уголовников. Всех анархистов, не причастных к грабежам и уголовщине, освобождали. Но оказалось, что таких было не более 5% среди арестованных. Яркое представление о подвержшихся аресту анархистских группах дает следующее сообщение ВЧК: «Отделом при ВЧК по борьбе с преступностью ведется в настоящее время интенсивная работа по очищению Москвы от преступного элемента. Значительная часть из обнаруживаемых преступников — это лица, так или иначе примазавшиеся к идейному течению анархизма. Расстрелянный недавно изверг — главарь шайки «Граком» Лапшин-Липкович на допросе выдавал многих своих товарищей, и по его указанию еще до сих пор открываются возмутительные по своей дерзости грандиозные преступления, участниками которых были члены групп «анархистской» платформы. Лапшин-Липкович, как известно, во время одной «экспроприации» замучил бесчеловечной пыткой Батурина, скальнировав свою жертву, поливая рану одеколоном, пытаясь таким способом вырвать у Батурина признание, где спрятаны деньги. Из допроса, между прочим, выяснилось, что этот Лапшин-Липкович на одном из собраний «анархистских» групп требовал, чтобы все члены групп разных наименований признавали своим кредо безграничное право реквизиции и конфискации. Предлагалось товарищам, не согласным с такими постановлениями, высказываться. Однако на собрании не нашлось ни одного, который бы высказался хотя бы за ограничительное право конфискации. Многие группы действовали в «контакте», совместно устраивали грабежи. Таковы были группы: 1-й Самарский отряд, 2-й отряд, «Граком», «Буря» и другие. Членами этих групп были совершены десятки грабежей на миллионные суммы... Из преступников на месте преступления захвачены: С. Кузин, С. Захаров, В. Матейчик. Первые двое из них, принадлежавшие к организованной шайке, захвачены во время вооруженного грабежа по Цветному бульвару, № 21, а последний при грабеже в Барашковском переулке, где он оказал вооруженное сопротивление. Сознались в совершенных преступлениях И. Д. Слон, И. Т. Зильберман, А. С. Данилин, В. Спаков. «Наводчиком» при многих из совершенных ограблений был А. Бойцов, кличка «Следователь». Оружием снабжал бандитов И. Пулукидзе, содержатель столовой «Отдых», который скупал у них награбленные драгоценности и процентные бумаги. Отделом недавно задержан также известный бандит А. Андреев (кличка «Зюзик»)... На основании постановления ВЧК в ночь на 30 мая расстреляны: И. Слон, И. Зильберман, А. Данилин, В. Спаков, А. Бойцов, И. Пулукидзе, А. Андреев («Зюзик»), С. Кузин, С. Захаров, В. Матейчик и И. Баранов»²⁵.

Решительные меры против «анархистствующих» бандитов в Москве и других городах нанесли серьезный удар по анархизму. Но анархизм получил поддержку от Нестора Махно. В маховские отряды со всех сторон потянулись анархисты. К маховщине примкнули и многие деклассированные, авантюристские и уголовные элементы. В мае — июне 1919 г. Махно вступил в открытый конфликт с Советской властью. Этот конфликт дал толчок к оживлению дезорганизаторских и антисоветских действий экстремистских групп анархистов²⁶. 25 сентября 1919 г. в помещении Московского Комитета РКП(б) в Леонтьевском переулке ответственные работники

²³ «Буревестник», 19.IV.1918.

²⁴ «Известия ЦИК», 3.IV.1918.

²⁵ «Известия ЦИК», 31.V.1918.

²⁶ Подробнее о маховцах см.: С. Н. Семанов. Маховщина и ее крах. «Вопросы истории», 1966, № 9.

большевистской партии, лекторы и агитаторы (всего около 100—120 человек) собрались для обсуждения вопроса о заговоре контрреволюционного «Национального центра», раскрытом чекистами. Собравшиеся выслушали доклады и приступили к разработке плана агитационно-пропагандистской работы. Около 9 часов вечера в середине зала, где проходило собрание, через окно, выходящее в сад, была брошена бомба. Раздался оглушительный взрыв. Им частично было разрушено здание, убито 12 и ранено 55 человек. В числе погибших был секретарь МК РКП(б) В. М. Загорский, в числе раненых — А. Ф. Мясников, М. С. Ольминский, Ю. М. Стеклов, Е. М. Ярославский, М. Н. Покровский и другие большевики. Первоначально предполагалось, что террористический акт был совершен сообщниками белогвардейских заговорщиков из «Национального центра». Однако через некоторое время в Москве появилось нелегальное печатное извещение, в котором сообщалось, что взрыв совершен «Всероссийским повстанческим комитетом революционных партизан» в знак «отмщения» большевикам за расстрел в Харькове нескольких махновцев по приговору революционного трибунала²⁷. Далее в извещении указывалось, что «комитет ставит своей целью приблизить «трегью социальную революцию», «стеречь с лица земли» советский строй и «установить Всероссийскую вольную федерацию союзов трудящихся и угнетенных масс»²⁸. Все свидетельствовало о том, что террористы были связаны с анархистским движением и махновщиной.

2 октября 1919 г. в поезде около Брянска чекисты задержали анархистку из украинской группы «Набат» С. Каплуи. У нее нашли письмо одного из лидеров «Набата», Барона (Факторовича), адресованное сообщникам. Барон писал: «Теперь Москва начеку. Пару дней тому назад местный комитет большевиков взорван бомбой, погибло больше десятка. Дело, кажется, подпольных анархистов, с которыми у меня нет ничего общего. У них миллионные суммы. Правит всем человек, мянущий себя Наполеоном. Они сегодня, кажется, публикуют извещение, что это сделали они»²⁹. Итак, из письма следовало, что террористический акт совершили подпольные анархисты, а легальные анархисты знали преступников. Однако представители московских легальных анархистов, к которым обратились советские органы, отказались что-либо сообщить о террористах. В конце октября Московская чрезвычайная комиссия установила, что квартирой, где проживала прежде известная анархистка М. Никифорова, пользуются какие-то подозрительные лица. В квартире произвели обыск и оставили засаду. Вскоре туда явился неизвестный. При попытке задержать его он стал стрелять и ранил одного из сотрудников ЧК, но сам был убит. У него нашли подложные документы и черновик обращения, сходного по содержанию с выпущенным «Всероссийским повстанческим комитетом революционных партизан». Убитый оказался К. Ковалевичем, бывшим служащим Московско-Курской железной дороги, как выяснилось потом, вожаком анархистского подполья. Во время суматохи, вызванной перестрелкой, проживавшие в квартире А. Восходов и какая-то женщина скрылись. Через несколько дней чекисты выявили квартиру, куда перебрался Восходов, и 3 ноября произвели там обыск. Были обнаружены приходо-расходные записи о средствах организации анархистов подполья, списки ее членов, бомбы, револьверы, инструкции для взлома несгораемых шкафов и другие вещественные доказательства и арестовано несколько участников подпольной организации.

4 ноября в засаде на Гнездиновском переулке при перестрелке с двумя сотрудниками ЧК был убит второй вожак анархистов подполья, П. Соболев. У него нашли три револьвера и записную книжку, в которой имелись пометки о выдаче денег видному члену московской организации левых эсеров, бывшему члену ЦК этой партии, известному по делу о левозерском мятеже, Д. Черепанову. Наконец, один из задержанных, анархист М. Тямни, после бесед в ЧК осудил действия своих сообщников и рассказал о преступлениях анархистов подполья. Выяснилось, что эти анархисты устроили взрыв в помещении Московского Комитета РКП(б). Стало известно, что «подпольщики», сняв дачу в поселке Красково под Москвой, устроили там штаб-квартиру, типографию и лабораторию для изготовления бомб. В ночь на 5 ноября отряд чекистов опечатал дачу. Находившиеся там анархисты встретили прибывших огнем. Около двух часов продолжалась перестрелка, после чего осажденные подошли имевшейся у них взрывчатые вещества, взорвав дачу и самих себя. На месте взрыва остались обгоревшие части типографского станка, оболочки бомб, револьверы. Погибли анархисты Я. Глазгон, В. Азов (Азаров), Д. Хорьков, а также некие Захар, Миша и Таня (их фамилий не удалось установить). Вскоре в поселке Одинцово нашли и принадлежавший анархистам склад динамита. Арестованные по-разному мотивировали взрыв помещения Московского Комитета РКП(б). Анархист А. Барановский (Попов) показал: «Взрыв на Леонтьевском переулке был произведен анархистами подполья. В нем участвовали пять человек — я, Петр Соболев (он бросал бомбу), Миша Гречаников, Федя Николаев и один, который убит на даче Красково, фамилия его я не назову. Взрыв был произведен по инициативе Петра Соболева... Он

²⁷ Были расстреляны работники штаба махновских отрядов Озеров, Михалев, Павленко, Бурдыга, Олейник, Коробко, Костин, Полунин и Доброслюбов, осужденные в связи с дезорганизаторскими действиями махновцев на Южном фронте.

²⁸ «Красная книга ВЧК». Т. I, стр. 256—257.

²⁹ «Известия ЦИК», 14.X.1919.

пришел ко мне... Тогда же он предложил мне взорвать это заседание, и я согласился. Мы вместе пошли за бомбой на Арбат, дом 30, квартира 58, где она хранилась. Взяв ее, мы пошли в Чернышевский переулок, где нас дожидались другие участники взрыва». Рассказав затем, как была брошена бомба, Барановский закончил: «Я принял участие в организации взрыва... Часто спорил с Петром на эту тему, но тот, допуская, что мы ошибались относительно тактики большевиков в момент взрыва, все же твердо верил в необходимость террористической борьбы с большевиками. В настоящее время я твердо убежден в том, что взрыв был нашей ошибкой»³⁰. Левый эсер Николаев сообщил: «Во взрыве на Леонтьевском переулке участвовали шесть человек: я, Петр Соболев, Барановский, Миша Гречанников, Яша Глазгон и Черепанов... Накануне мне назначили свидание на 6 часов в день взрыва у Покровских ворот, туда явились участники взрыва и там мне сказали, что сегодня заседание в Московском комитете РКП ответственных работников и решено произвести взрыв»³¹. Наконец, арестованный 17 февраля 1920 г. организатор взрыва левый эсер Д. Черепанов заявил на допросе: «Я совместно с Казимиром Ковалевичем организовал Всероссийский штаб революционных партизан, который главнейшей своей целью наметил ряд террористических актов. Эта организация и провела взрыв в Леонтьевском переулке. Подготовка этого взрыва, выработка плана и руководство до самого последнего момента были возложены на меня. В самом же метании бомбы я, по постановлению штаба, участия не принимал... Собрание 25 сентября главных ответственных партийных работников в Московском комитете, как нельзя лучше, могло быть рассматриваемо как [собрание] главнейших большевиков, тем более, что на этом собрании предполагалось присутствие гражданина Ленина. Конечно, только нужно сожалеть о том, что жертвами взрыва были не видные партийные работники и никто из более крупных не пострадал. Этот акт, по моему мнению, должен был революционизировать массы и указать путь, по которому должны идти настоящие революционеры: путь террора»³². Таким образом, выяснилось, что во «Всероссийском повстанческом комитете революционных партизан» и его преступлениях участвовали анархисты подполья и экстремистские группы левых эсеров.

Следствие установило, что К. Ковалевич являлся представителем той части московских анархистов, которая после разоружения анархистских групп придерживалась «активного» терроризма. В мае 1919 г. он выехал в Харьков и встретился там с Глазгоном, Ценципером и другими анархистами, служившими у Махно, а теперь оставшимися «вне у дел». Тогда и возникла подпольная террористическая организация. «Решено было,— как говорил один из анархистов, арестованных ЧК,— начать бить по центру, т. е. по Москве, откуда все зло». Возвратившись в Москву, Ковалевич с несколькими единомышленниками, к которым вскоре примкнул экспроприатор П. Соболев, давший «на организационные расходы» 300 тыс. руб., добытых грабежами, основал уже известный нам «Всероссийский повстанческий комитет революционных партизан», который назывался также «Всероссийская организация анархистов подполья». К моменту ликвидации эта группа не превышала 30 человек и делилась на три части: литературную, ведавшую изданием листовок и нелегальной газеты; типографскую, обслуживавшую печатню; группу боевиков, занимавшуюся экспроприациями, добыванием взрывчатых веществ и совершением террористических актов. Сначала эта организация выпустила листовку в 10 тыс. экземпляров под заглавием «Правда о махновщине». После того как экспроприаторы совершили ряд грабежей и добыли деньги, она издала листовку «Где выход?», отпечатанную тиражом в 15 тыс. экземпляров. Подпольщики призвали в листовке к восстанию. 12 августа экспроприаторы ограбили в Москве 9-е отделение народного банка, 18 августа — отделение банка на Большой Дмитровке, 29 августа — Патронный завод в Туле, похитив там 3 480 тыс. рублей. После этого они приобрели типографский станок, оружие, взрывчатые вещества, сняли дачу для штаба, издали два номера газеты «Анархия» и листовки. Соболев мечтал добыть 60 пудов динамита, подложить «под Кремль и взорвать его».

Деятельность подпольщиков особенно усилилась после установления связей с группой московских левых эсеров, возглавляемых Черепановым, которая настаивала на активном продолжении вооруженной борьбы с Советской властью. Во время ареста одного из членов группы было обнаружено письмо, характеризовавшее линию «левого крыла» партии левых эсеров. Автор письма сообщал: «Приходится констатировать, что ЦК, соглашателей (так автор называл ЦК партии левых эсеров.— Д. Г.) в пресловутое мирбаховское время, теперь превратился частью в мнимых активистов, частью в людей, по ночам уже видящих сны, где они фигурируют с министерскими портфелями. Теперешний состав ЦК: Камков, Карелин, Штейнберг, Трутовский и Маруся (Мария Спиридонова.— Д. Г.) занимает позицию среднюю — активность на словах. Лишь два члена ЦК — Черепанов и Крушин — стоят на действительно революционных позициях и не сходят со своего пути. Они вышли из ЦК и вступили в нашу Московскую организацию, которая стоит на позиции всех провинциальных. Наша работа протекает сейчас в невероятных условиях. Дело в том, что «Партизанский штаб», о котором вы, вероятно, слышали, именем которого взорван Леонтьевский,— это на-

³⁰ См. «Известия ЦИК», 1.1.1920.

³¹ «Красная книга ВЧК». Т. I, стр. 303.

³² Там же, стр. 315—316.

ших рук дело. Мы работаем там вместе с анархистами. Как вам понравится это, товарищи? ...Мы добились признания, расклеивая и разбрасывая соответствующие листовки от «Партизанского штаба». Задача момента — по всей России организовать этот Повстанческий штаб революционных партизан из нас и анархистов (настоящих), где они есть, и действовать от их имени»³³.

Политическое «кредо» объединенной левозероверской и анархистской организации — «Повстанческого комитета» — представляло собою смесь путаных мелкобуржуазных идей и демагогических требований. В цитированном уже письме говорилось: «Сейчас для масс ясны два имени: большевики и Деникин. Надо популяризировать третье — Повстанческий штаб, за этой третьей силой, революционной силой, будут все — вот, товарищи, наш план действий, которого не дал партии ЦК в течение долгого времени. Но есть еще и другие стороны дела: ведь фактически у нас нет программы. Этим можно объяснить целый ряд скользких шагов в прошлом, а может быть, и в настоящем. В свое время мы были, например, за национализацию промышленности с большевиками. Мы были за постоянную Красную Армию и т. д. Это все ляпсусы, которые делались второпях в революции из-за желания сохранить силы революции в лице нас и большевиков в тесном содружестве. И к чему это привело? Жизнь зачеркнула эти проекты. Жизнь и революция выдвигают новые решения и проблемы и по экономическому вопросу, и по вопросу об армии, и по вопросу о власти...» Черепанов так определял цели организации: «Я полагаю, что всю власть необходимо передать профессиональным союзам, которые путем товарищеской дисциплины сумеют поднять производительность труда до необходимой в настоящий момент степени. В момент гражданской войны и такой колоссальной разрухи я признаю некоторую видимость принуждения труда. Профсоюзы сами мобилизуют достаточное количество людей, необходимых для обороны страны и защиты революции. В профсоюзах есть достаточно сил — путем исключения из числа членов — заставить повиноваться, вместе с тем будут избегнуты ошибки сплошной мобилизации... Те или другие объединения профсоюзов являются органами власти, а Всероссийский союз профсоюзов — верховным органом власти. Совершенно не важно, если некоторые профсоюзы в настоящий момент имеют почти черносотенную окраску, классовое самосознание и руководство высших органов власти всегда смогут... революционизировать и эти массы»³⁴.

Раскрытая подпольная организация, совершившая ряд кровавых преступлений, была фактически небольшой группой уголовников или людей с путаными мелкобуржуазными идеями. Московская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией пресекла деятельность заговорщиков: М. Гречаников, А. Барановский (Попов), Ф. Николаев, А. Восходов, Л. Хлебныйский («дядя Ваня», старый анархист, участвовавший в многочисленных грабежах), Ценципер, П. Исаев, предатель А. Домбровский (пробравшийся в члены Коммунистической партии, связанный с участниками взрыва) были расстреляны, Д. Черепанов выслан в Сибирь, где позднее скончался от тифа. Ликвидация махновщины в 1920 г. нанесла удар и по анархистующим элементам. Некоторые анархисты отказались от требования немедленного перехода к «безгосударственному строю» (например, группа «советских анархистов» или группа Рошина); другие продолжали свое существование как «идейные» группы. Многие махновцы признали свою вину перед Советской властью и были амнистированы; те же, кто продолжал дезорганизаторскую деятельность, были обезврежены.

д) Антисоветские авантюры Савинкова

Отдельного упоминания требует подрывная, контрреволюционная деятельность бывшего эсера Б. Савинкова. В мае 1918 г. к командиру латышского полка, несшего охрану Кремля, явилась некая сестра милосердия и сообщила, что бывший юнкер Иванов, скрывавшийся в Иверской больнице под видом больного, рассказал ей о существовании в Москве тайной организации, которая готовит в ближайшее время восстание. Эти сведения командир полка передал в ВЧК. Заместитель председателя ВЧК Я. Х. Петерс и начальник оперативного отдела ВЧК М. Я. Лацис лично занялись расследованием дела и распорядились установить тщательное наблюдение за Ивановым. Вскоре выяснилось, что тот бывал в одной из квартир дома № 3 по Мало-Левшинскому переулку, где часто собирались подозрительные лица. 29 мая отряд под командованием Петерса окружил этот дом. Чекисты проникли в квартиру в момент, когда там заседало нелегальное собрание. За столом сидело 13 человек: Иванов, хозяин квартиры Сидоров (Аваев), бывшие офицеры Парфенов (Покровский), Висчинский, Ольгин (Герцен) и другие. Перед собравшимися лежала пачка денег, от которой все они отказались, и набросок схемы построения пехотного полка. При обыске у задержанных нашли программу антисоветского «Союза защиты родины и свободы», отпечатанную на пишущей машинке; странный картонный треугольник, вырезанный из визитной карточки, с буквами «ОК»; инструкцию квартирьерам; «Памятку во исполнение общей цели»; сведения о расквартировании красноармейских частей; разные адреса в Казани. В программе ближайшими задачами «Союза защиты родины и сво-

³³ См. «Известия ЦИК», 25.1.1920.

³⁴ «Красная книга ВЧК». Т. I, стр. 316.

боды» объявлялись: свержение Советского правительства, организация «твердой власти» в России, воссоздание старой армии и продолжение войны с Германией. Эти задачи рассматривались как дело «защиты жизненных интересов не отдельного класса или партии, а дело общенациональное, дело всего народа». Программа устанавливала строгие конспиративные правила построения тайного общества. В ней, между прочим, говорилось: «Несомненно, что вся тяжесть первого удара в начале выступления неизбежно ляжет на плечи наиболее идейных людей, обладающих, кроме того, технической подготовкой и твердой решимостью жертвовать собой до конца в борьбе за желанные результаты. Таким элементом в первую голову является офицерство... затем идейное гражданское население, обладающее некоторой технической подготовкой и спаянное идейной дисциплиной. Все остальные, готовые жертвовать собой, но технически мало или вовсе не подготовленные, послужат резервом для закрепления и развития успеха первоначального удара... Начальствующим лицам озаботиться: а) ознакомлением подведомственных им чинов с основами этого положения и предложить отказаться от участия в деле тем, кто чувствует себя слабым духом и неспособным выдерживать тех испытаний, которые неизбежны в активной, решительной борьбе... Отказы принимаются до 25 мая (время поступления в Центральный штаб). После этого всякие уклонения от обязанностей и отказы будут считаться сознательной изменой, равно как и разглашение тайной организации, и караться до лишения жизни включительно; б) строго конспиративной, но тщательной регистрацией всех лиц, состоящих у них на учете; в) чтобы никто из членов организации не выдавал другого, наказывая изменников расстрелом»³⁵.

Таким образом, уже тогда можно было определить, что обнаружена опасная контрреволюционная организация. Однако дальнейшее ее раскрытие представляло большие трудности. Конспиративная квартира по Мало-Левшинскому переулку являлась штабом лишь одного из «полков» организации. Заговорщики же, задержанные там, уклонялись от откровенных показаний и не называли главарей. Только настойчивое и умелое ведение дела принесло результаты. Юнкер Иванов (Мешков) назвал имя штабс-капитана Пинки (Альфреда), начальника пехотных формирований «Союза защиты родины и свободы». Через несколько дней Пинка был арестован, и Я. Х. Петерсу удалось склонить его к признаниям. Впоследствии Я. Х. Петерс рассказывал: «Пинка не имел возможности скрыть от меня свои контрреволюционные убеждения (Петерс в свое время встречался с ним по службе в армии.— Д. Г.). Сначала он вообще отказывался давать показания, но с первого же разговора я видел, что Пинка — чрезвычайный трус, что арест и грозящее наказание его очень пугали. Поэтому, поговорив с ним несколько часов, я убедил его сознаться и рассказать все»³⁶. Пинка сообщил, что «Союз защиты родины и свободы» насчитывает до 5 тыс. членов; строится по военному образцу; имеет отделения, помимо Москвы, в Казани, Ярославле, Рыбинске, Рязани, Челябинске, Муроме и других городах и готовит вооруженное выступление против Советской власти, которое должно начаться в Поволжье. В Казани уже созданы склады оружия, туда посланы квартиреры и людские резервы. Работу «Союза» направлял Главный штаб, который под видом «лечебницы для приходящих больных» помещался на Остоженке, в Молочном переулке, д. 2, квартира 7. При помощи Пинки чекисты узнали и о значении картонного треугольника с буквами «ОК». Это был условный знак, пароль для связи участников заговора: одна часть визитной карточки-треугольника находилась у лица, к которому должен был явиться другой член организации, а вторая — у предьявителя. Пинка же сообщил и другой пароль, посредством которого можно было в Казани проникнуть к участникам заговора. Наконец, он открыл имя главаря организации, небезызвестного Бориса Савинкова.

...Извилисты были жизненные пути этого человека. Когда-то он состоял в петербургской группе «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Затем примкнул к эсерам. С 1903 по 1907 г. Савинков как один из руководителей эсеровской «Боевой организации» принимал участие в террористической деятельности против представителей царской администрации (убийство министра Плеве, великого князя Сергея). В 1907 г. из-за разногласий с эсеровским руководством Савинков вышел из партии и выехал за границу. Там он под псевдонимом «Ропшин» опубликовал несколько романов, проникнутых мистицизмом. Во время первой мировой войны Савинков стал оборонцем и вступил добровольцем во французскую армию. В начале Февральской революции он появился в Петрограде в качестве «независимого социалиста». Керенский назначил его комиссаром Временного правительства на Юго-Западном фронте, а затем товарищем военного министра. В то время Савинков был уже законченным ренегатом. Вместе с генералами-монархистами Корниловым и Алексеевым он мечтал об установлении в стране военной диктатуры и являлся сторонником жесткого подавления недовольства солдат, не желавших воевать за интересы буржуазии. В дни победы Великой Октябрьской социалистической революции Савинков участвовал в походе казаков Краснова на Петроград, а после провала этой авантюры бежал на Дон, где концентрировались силы монархистской контрреволюции, и вошел в «Гражданский совет», образованный генералом Алексеевым в противовес Советской власти. В феврале—марте 1918 г. по поруче-

³⁵ Там же, стр. 16 сл.

³⁶ Я. Х. Петерс. Воспоминания о работе в ВЧК в первый год революции. «Пролетарская революция», 1924, № 10.

нию Алексеева Савинков нелегально прибыл в Москву и создал вышеупомянутый контрреволюционный «Союз защиты родины и свободы».

Так впервые ВЧК столкнулась с этим опытным конспиратором, человеком, склонным к авантюрам, хитрым и коварным врагом. Его следовало задержать немедленно. Пинка предложил свои услуги ВЧК. Я. Х. Петере позднее писал об этом следующее: «Пинка стал говорить все, стал водить наших сотрудников, указывать им участники организации и, наконец, попросил, чтобы его освободили и он найдет Савинкова. Его освободили, обязав ежедневно являться ко мне на квартиру, и он регулярно являлся. Одно утро он мне сообщил, что он встретится с Савинковым у Большого театра. Мы мобилизовали все силы... Но... Пинка не явился... и с тех пор мы Пинку не видели»³⁷. Впоследствии из воспоминаний Савинкова стало понятно, что Пинка раскрыл далеко не все обстоятельства заговора. Главный штаб «Союза защиты родины и свободы» составляли «командующий вооруженными силами» генерал-лейтенант Рычков, начальник штаба полковник А. Перхуров, начальник разведки Я. Бреде, начальник отдела сношений с «союзниками» А. Дикгоф-Деренталь и начальник инородного отдела военный врач Д. Григорьев из близкой к меньшевикам группы «Единство». «Штаб Союза», — писал Савинков, — помещался в Молочном переулке. Точнее говоря, это была конспиративная квартира штаба. Собирались мы на общие заседания в других местах, и, кроме того, каждый из нас имел для свиданий свою особую конспиративную квартиру. Но в Молочном переулке был истинный центр Союза. Доктор Григорьев открыл под чужим именем медицинский кабинет, куда ходили настоящие больные, но который посещали и все, кто имел надобность в штабе. Постоянно в кабинете дежурил кто-либо из начальников отделов, там же постоянно бывал полковник Перхуров, туда же часто заходил и я. Спешные, не терпящие отлагательства дела решались в Молочном переулке, там уплачивалось жалованье, оттуда исходили все приказания текущего дня. Арестовать медицинский кабинет в Молочном переулке значило почти парализовать деятельность «Союза»³⁸. Но арестовать членов главного штаба не удалось. Савинков и его сподвижники после провала организации скрылись. «К вечеру выяснилось, — писал потом Савинков, — что арестовано в Молочном переулке и в других местах города до 100 членов «Союза», но выяснилось также, что не арестован ни один из начальников отделов. Полковник Перхуров, Дикгоф-Деренталь, доктор Григорьев, полковник Бреде и другие были целы и невредимы. Это давало полную возможность продолжать дело»³⁹.

В ночь на 6 июля 1918 г. в Ярославле, 7 июля в Рыбинске и 8 июля в Муроме начались вооруженные антисоветские мятежи. Выяснилось, что ими руководят избежавшие ареста главы «Союза защиты родины и свободы». Во главе восстания в Ярославле стоял начальник главного штаба «Союза» полковник Перхуров, в Рыбинске — начальник разведки Бреде (туда выезжали также Савинков и Дикгоф-Деренталь), а в Муроме — начальник инородного отдела Григорьев и полковник Сахаров. Но отряды Красной Армии и вооруженных рабочих разгромили контрреволюционных повстанцев⁴⁰. Лишь Ярославль им удалось удерживать в своих руках в течение полумесяца, осуществляя зверский контрреволюционный террор. В Рыбинске, где находился Савинков, местная Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией своевременно узнала о подготовке выступления, мобилизовала рабочих и достойно встретила мятежников. Савинков вспоминал: «В Рыбинске наше тайное общество насчитывало до 400 членов, отборных офицеров кадровых и военного времени, большевистский же гарнизон был немногочисленным... Я подсчитал количество имевшегося в нашем распоряжении оружия. Оно было достаточно для того, чтобы взять артиллерийские склады. Взяв артиллерийские склады, предполагалось двинуться с артиллерией на город... Большевикам стали известны наши сборные пункты, и конные большевистские разъезды были на всех дорогах, ведущих к артиллерийским складам... Когда члены нашей организации двинулись, вооружившись, на Рыбинск, они встретили заготовленные заранее пулеметы. Им пришлось отойти. К утру, понеся большие потери, они вышли за город»⁴¹. Сам же Савинков, заgrimированный и переодетый, вместе со своим секретарем Клепиковым и Дикгоф-Деренталем бежал из Рыбинска. После долгих скитаний он добрался до Казани, где под защитой белочешских штыков тогда обосновались правые эсеры. «Союз

³⁷ «Пролетарская революция», 1924. № 10. Пинка после победы участвовал в боях против Красной Армии, а затем эмигрировал в буржуазную Латвию.

³⁸ Б. В. Савинков. Борьба с большевиками. Варшава. 1920, стр. 30.

³⁹ Там же, стр. 31. Более успешно обстояло дело в Казани. Командированный туда один из сотрудников ВЧК, использовав открытый Пинкой пароль, под видом бело-гвардейца проник в штаб заговорщиков. В результате удалось арестовать большое число контрреволюционеров. В Казани же раскрыли монархистскую офицерскую группу, руководимую генерал-майором И. Поповым, и обнаружили склад оружия бело-гвардейцев. По признанию генерала, в его распоряжении в Казани имелся вооруженный офицерский отряд численностью в 500 человек, который должен был в момент восстания действовать вместе с отрядами «Союза защиты родины и свободы».

⁴⁰ Подробнее см.: Д. Л. Голиков. Как был ликвидирован контрреволюционный мятеж в Ярославле, Рыбинске и Муроме в 1918 году. «Вопросы истории», 1965, № 4; К. А. Мерццов. На полях гражданской войны. «Вопросы истории», 1967, № 3, стр. 93.

⁴¹ Б. В. Савинков. Борьба с большевиками, стр. 33—35.

защиты родины и свободы» был разгромлен и в том же 1918 г. прекратил существование.

Но Савинков еще на протяжении шести лет продолжал тайную и явную борьбу против Советской власти. Он участвовал в боях против Красной Армии, находился в каппелевском офицерском отряде, действовавшем в советском тылу. В конце 1918 г. Колчак назначил его своим представителем за границей. Обивая пороги французских и английских министерств, Савинков добывался оружие, снаряжения и обмундирования для колчаковских и денкикинских войск. Во время польской интервенции 1920 г. он возглавлял белогвардейский эмигрантский «Русский политический комитет» в Варшаве и принимал участие в создании так называемой «русской народной армии» под командованием Перемыкина и Булак-Балаховича, воевавшей на стороне войск Пилсудского. В январе 1921 г. Савинков вместе со своим братом казачьим есаулом Виктором Савинковым образовал из остатков «Русского политического комитета» новую антисоветскую организацию, которую назвал «Народный союз защиты родины и свободы». Вознамерившись превратить ее во «всероссийский антисоветский центр», он заключил соглашение о совместных действиях с эмигрантским петлюровским правительством, с белорусскими буржуазными националистами и казачьими группировками, находившимися в Польше. В состав руководства «Союза», помимо братьев Савинковых, вошли А. Дикгоф-Деренталь, литератор Философов, генерал-монархист Эльвенгрэн, казачий полковник М. Гнилорыбов и некто Селянинов-Опперпут. «Народный союз защиты родины и свободы» занимался созданием на территории РСФСР и БССР областных комитетов, которые, в свою очередь, организовывали из антисоветских элементов губернские, городские, уездные и волостные комитеты и ячейки в учреждениях, на предприятиях, в деревнях. Эти организации вели подготовку ко «всеобщему» восстанию. Главная роль в нем отводилась интернированным в Польше остаткам войск Булак-Балаховича, Перемыкина и Петлюры. Пока же «Союз» перебрасывал на советскую территорию отдельных агентов и небольшие вооруженные отряды, которые должны были создавать плацдармы для вторжения воинских соединений и служить центром, вокруг которого группировались бы местные повстанческие силы. «Народный союз защиты родины и свободы» сразу же превратился в организацию, совершавшую бандитские налеты и являвшуюся подобным органом польской разведки.

Перебрасываемые Савинковым и его организацией из-за границы отряды под командованием белых офицеров Павловского, Васильева, Павлова и других совершали налеты на деревни и советские учреждения, пускали под откос поезда, чинили чудовищные зверства и погромы на советской территории. Вот немного из совершенного ими. Захватив местечко Пуховичи, Западного края, бандиты отряда Павлова бросили в котел с кипящей смолой старика пастуха, зверски замучили двух коммунистов, закололи 11 жителей местечка. Близ Полоцка бандиты пустили под откос поезд, ограбили почтовый вагон и пассажиров, расстреляли 15 коммунистов. В Демьянске отряд полковника Павловского разгромил советские учреждения, выпустил из тюрьмы уголовников, ограбил и зверски истребил многих жителей. В январе 1922 г. красноармейцы задержали нарушителя границы, оказавшегося бывшим подполковником В. Свежевским. Выяснилось, что по поручению савинковской организации он пытался проникнуть в Советскую страну, чтобы убить В. И. Ленина. В докладе ВЧК об участии польского генерального штаба в деятельности этой организации говорилось: «Роль польского генерального штаба сводилась к следующему: а) разрешению и содействию организации на территории Польши партизанских отрядов и перевозке их по железной дороге за счет польского военного министерства... б) снабжению этих отрядов оружием... в) содействию вербовке в лагерях военнопленных и интернированных организаторов антисоветских групп и отправке их в Россию; г) содействию реорганизации и приведению в боевую готовность остатков интернированных армий Булак-Балаховича, Перемыкина и Петлюры... Почти все агенты Савинкова состоят одновременно на службе польской разведки и контрразведки... Все военные и политические сводки, доставлявшиеся из России курьерами Савинкова, попадали в польский генштаб. Проводниками через наши пограничные посты направляющимся в Советскую Россию агентам Савинкова служат чины польской офицеризмы и жандармерия... Финансовые средства организация получала от второго отдела польского генерального штаба и французской военной миссии в Польше... «Всероссийский комитет Союза» играл роль международного бюро шпионажа как о вооруженных силах Советской России, так и о положении Советской Республики вообще. Он добывал, систематизировал сведения о Красной Армии и снабжал ими в виде регулярно выпускаемых бюллетеней все иностранные военные миссии в Варшаве. Агенты Савинкова, приезжавшие из России, являлись для информации во французскую военную миссию и польский генеральный штаб (II отдел)»⁴².

Установление наличия связей «Народного союза защиты родины и свободы» и примыкавших к нему группировок с польскими разведывательными органами имело следующие последствия. Советское правительство в ночь от 4 июля 1921 г. потребовало от польского правительства роспуска на территории Польши антисоветских белогвардейских организаций и изгнания их руководителей за пределы страны. В результате переговоров между правительствами РСФСР и Польши 7 октября 1921 г. был подписан протокол, на основании которого многие сподвижники Савинкова должны были покинуть

⁴² «Известия ЦИК», 24.VII.1921.

Польшу; что касается самого Савинкова, то он оставил ее пределы еще раньше. Деятельность «Народного союза защиты родины и свободы» была в значительной степени подорвана. Но Савинков не унимался. Он рыскал по разным странам, добываясь связей с любимыми разведками и шпионами для продолжения антисоветской деятельности; пытался получить средства для борьбы против Советской власти даже от Муссолини. Все «предприятия» Савинкова неизменно заканчивались провалом. Красная Армия громила его банды, прорывавшиеся на советскую землю. ГПУ в течение 1921—1923 гг. ликвидировало западный областной комитет «Народного союза защиты родины и свободы» и его местные группы общей численностью свыше 300 человек; несколько ячеек «Союза» на территории Ленинградского военного округа; 23 савинковские резидентуры в Москве; отдельные группы в Самаре, Саратове, Харькове, Туле, Киеве и Одессе. В советских республиках было проведено несколько крупных судебных процессов над савинковцами, из которых наиболее важными являлись: «дело 44», рассмотренное в августе 1921 г. революционным трибуналом Западного края в Минске; «дело 12», рассмотренное в июле 1922 г. Ленинградским военным трибуналом; «дело 43», рассмотренное 16—25 июня 1924 г. военной коллегией Верховного Суда СССР. Эти процессы разоблачили Савинкова как злейшего врага революции и советского народа, как агента, состоявшего на содержании у разведок империалистических государств.

16 августа 1924 г. Савинков прибыл из-за границы в Минск с фальшивым паспортом на имя В. И. Степанова. Работники ГПУ задержали его. Так закончилась одна из смелых и умных операций чекистов по поимке Савинкова: его «выманить» из-за границы. Эту операцию провела группа чекистов под руководством Ф. Э. Дзержинского. Попался один из опытейших конспираторов, прибывший в Россию якобы по приглашению своих «сообщников» для «инспектирования» существовавших будто бы в Советской России контрреволюционных организаций. Савинков убедился в бесплодности своей борьбы. «Я вел войну,— заявил он,— и я побежден... Моя упорная, длительная, не на живот, а на смерть, всеми доступными мне средствами борьба не дала результатов. Раз это так, значит, русский народ был не с нами, а с РКП. Я русский, подчиняюсь ему. Судите меня, как хотите»⁴³. Через несколько дней расследование было закончено, а 27 августа Савинков предстал перед военной коллегией Верховного Суда Союза ССР. Преступления Савинкова были хорошо известны и подтвердились десятками приговоров по делам его сообщников. Савинков откровенно рассказал о своей антисоветской деятельности; признался, что, «находясь в тисках» зависимости от иностранцев, он и руководимые им организации еще с 1918 г. состояли на содержании иностранных империалистов; что в 1920—1923 гг. он снабжал разведывательные органы Франции и шляхетской Польши шпионскими сведениями о Советской России, получая за это вознаграждение. Судебный процесс Савинкова приоткрыл еще одну завесу над деятельностью международных империалистов. В частности, он выявил их участие в организации Ярославского восстания. Еще 24 ноября 1918 г. деятель савинковского «Союза защиты родины и свободы» А. Дикгоф-Деренталь в екатеринбургской белогвардейской газете «Отечественные ведомости» писал, что антисоветские восстания на Волге были подняты по указанию «союзников». «В связи с ожидаемым десантом союзников в Архангельске,— сообщал он,— для непосредственного его облегчения решено было поднять восстание на Верхней Волге — в Рыбинске и Ярославле — и одновременно во Владимире и Муроме, где помещалась большевистская Славка, и в Араамасе. Во всех этих пунктах имелись уже местные организации «Союза». Полученные не только определенные сведения, но и просьба именно открыть действия против большевиков из политических соображений заставили назначить 6 июля днем выступления во всех вышеуказанных местах»⁴⁴. Задержанный в 1922 г. руководитель Ярославского восстания А. Перхуров также показал, что восстание было предпринято по прямому соглашению с представителями французских кругов и в расчете на помощь со стороны их десанта. Перхуров писал: «(Савинков сказал — Д. Г.), что союзники категорически обещали не позже, как через 4 дня после начала восстания, высадить десант в Архангельске и двинуть его через Волгу на Ярославль... На четвертый день (после начала восстания.— Д. Г.) к вечеру явились ко мне два француза в форме французских летчиков и заявили мне, что они прибыли в Ярославль в качестве квартирьеров для тех французских войск, которые должны высаживаться в Архангельске. Они показали мне несколько телеграмм за подписью Нуланса и Лаверья... На следующий день они просили дать им пропуск через Заволжский участок, чтобы они могли продвигнуться навстречу частям десанта и поторопить их прибытие. Пропуск был дан, французы уехали, и больше о них сведений я не имел»⁴⁵.

В том же 1922 г. на процессе правых эсеров бывший сотрудник французского генерального консульства Ренэ Маршан рассказал о некоторых деталях Ярославского мятежа: «Савинков обратился через Готье (сотрудника французского консульства, поддерживавшего отношения с Савинковым.— Д. Г.) к французскому послу с просьбой о необходимости увеличения кредита ассигнований его организации, и Нуланс, который был чрезвычайно скуп, отказал. Когда Савинков стал настаивать, Нуланс через Готье ска-

⁴³ «Дело Бориса Савинкова». М. 1924, стр. 7.

⁴⁴ См. «Красная книга ВЧК». Т. I, стр. 71.

⁴⁵ Из «Записок Перхурова», опубликованных в работе С. и М. Бройде «Ярославский мятеж». М. 1930.

зал: «Передайте ему, что пока он не докажет наконец, что он по крайней мере имеет где-нибудь людей, способных идти в бой, я ему больше ни одного су не дам». Савинков, увидев, что нет возможности получать дальше кредиты через Готье, просил передать французскому послу, что он может сейчас выступить в двух городах — или в Калуге, или в Ярославле — по приказанию французского посла и по его выбору. Нуланс передал через Готье, что он выбирает Ярославль... На основании этого торга (я не могу назвать это иначе) Савинков по приказу французского посла поднял Ярославское восстание, сам зная... что это дело безнадежное, что он не имеет настолько вооруженных сил, чтобы его поддержать. Этот шаг был сделан только для того, чтобы получить лишние кредиты и доказать французскому послу, что он действительно может иметь людей, которые готовы идти на смерть»⁴⁶.

В 1924 г. Савинков показал на суде: «Французы в лице консула Гренара, военного атташе генерала Лаверная, которые действовали от имени французского посла Нуланса... заявили мне о том, что союзники полагают продолжать войну с Германией на русском фронте. Мне было заявлено, что для этой цели будет высажен англо-французский десант со значительными силами в Архангельске. Этот десант было предположено поддержать вооруженными выступлениями изнутри. План был такой: занять Верхнюю Волгу, а французский десант поддержит восставших. Таким образом, Верхняя Волга должна была быть занята для движения на Москву. Мы должны были занять Ярославль, Рыбинск, Кострому и Муром. Вологду французы, как они заявили, оставили за собою»⁴⁷. «Союзники» финансировали савинковские организации: «Сначала французы давали небольшими суммами 40—100 тысяч рублей. Когда же речь зашла о восстании, тогда на это дело они сразу дали большую сумму, если не ошибаюсь, 2 миллиона рублей... Но,— заявил Савинков,— французы нас обманули. Десант в Архангельске не был высажен⁴⁸, и мы остались висеть в Ярославле. Восстание утратило смысл. Мы оказались в положении людей, обманутых иностранцами»⁴⁹. Далее он рассказал, как постепенно убеждался в том, что белогвардейское движение идет против народа, а иностранные империалисты, поддерживая и финансируя русскую контрреволюцию, преследуют собственные цели, не соответствующие интересам России и русского народа. Несмотря на то, что Савинков не все открыл суду о своей антисоветской деятельности⁵⁰, его сообщение сыграло определенную роль в разоблачении международного империализма. В своем последнем слове он выразил раскаяние и заявил, что окончательно отходит от контрреволюции, сказав: «Я признаю безоговорочно Советскую власть и никакой другой. И каждому русскому человеку, который любит родину свою, я, прошедший всю эту кровавую и тяжкую борьбу с вами, я, отрицавший вас, как никто, я говорю ему: если ты русский, если ты любишь свой народ, то преклонись перед рабочей и крестьянской властью и признай ее без оговорок»⁵¹. Можно сомневаться или не сомневаться в искренности этих слов. Возможно, что здесь этот авантюрист говорил правду. Не подлежит, однако, сомнению, что в борьбе с Советской властью он потерпел полное поражение.

Военная коллегия Верховного Суда СССР приговорила Савинкова к высшей мере наказания — расстрелу. «Принимая, однако, во внимание, что Савинков признал на суде всю свою политическую деятельность с момента Октябрьского переворота ошибкой и заблуждением, приведшим его к ряду преступлений и изменнических действий против трудовых масс СССР; принимая, далее, во внимание, что проявленное Савинковым полное отречение и от целей и от методов контрреволюционного антисоветского движения, его разоблачение интервенционистов и вдохновителей террористических актов против деятелей Советской власти и признание им полного краха всех попыток свержения Советской власти; принимая, далее, во внимание заявление Савинкова о его готовности

⁴⁶ ЦГАОР СССР, ф. 1005, оп. 1-а, д. 362, лл. 38—39.

⁴⁷ «Борис Савинков перед военной коллегией Верховного Суда СССР — полный отчет по стенограмме суда». М. 1924, стр. 57—59.

⁴⁸ Союзнический десант в Архангельске был высажен 2 августа 1918 г., когда восстание было уже ликвидировано.

⁴⁹ «Борис Савинков перед военной коллегией...», стр. 58.

⁵⁰ В частности, Савинков ни слова не сказал о своей связи с английской и американской разведками; он даже отрицал получение денег от англичан. После поимки в 1925 г. известного английского разведчика Сиднея Рейли выяснилось, что тот был тесно связан с Савинковым и финансировал его авантюры против Советской власти. Английский дипломат-разведчик Локкарт в книге «Исповеди» также рассказывает о своих связях с Савинковым. Локкарту принадлежит интересная характеристика Савинкова: «[Савинков] так долго прожил среди шпионов и провокаторов, что, подобно герою одного из его романов, в конце концов сам не мог разобраться толком, кого он, в сущности, обманывает — своих врагов или самого себя. Как и многие русские, он был пламенным оратором, умевшим магнетизировать своих слушателей. Мельком ему удалось ослепить даже Черчилля, который увидел в нем русского Бонапарта. К сомнительным чертам его характера относилась его жажда наслаждений, которой он подчас подчинял даже свое огромное честолюбие» (Р. Локкарт. Буря над Россией. Рига. 1933, стр. 167).

⁵¹ «Борис Савинков перед военной коллегией...», стр. 144.

загладить свои преступления перед трудящимися массами на службе трудовым массам СССР», Верховный Суд постановил ходатайствовать перед Президиумом ЦИК СССР о смягчении приговора⁵². Президиум ЦИК СССР удовлетворил ходатайство Верховного Суда и заменил Савинкову высшую меру наказания лишением свободы сроком на десять лет. Контрреволюционная свора эмигрантов подняла пенстовую шумиху вокруг судебного процесса; бывшие сподвижники Савинкова объявили его «предателем». Из тюрьмы Савинков писал в ответ: «Истина заключается в следующем. Я прибыл в Россию и (по заслугам) был судим Советским Верховным Судом... Мы с вами, несомненно, чего-то не поняли в России и в русском народе. Вот это надо запомнить и перестать мечтать о «спасении» России, да еще при помощи иностранцев... Для меня теперь ясно, что не только Деникин, Колчак, Юденич, Врангель, но и Пеллуря, и Антонов, и эсеры, и «савинковцы», и грузинские меньшевики, и Махно, и Григорьев, и даже кронштадтцы не были поддержаны русским народом и именно поэтому и были разбиты, что, выбирая между всеми разновидностями бело-зеленого движения, с одной стороны, и Советской властью — с другой, русский народ выбирает Советскую власть...»⁵³. Но Савинков не примирился со своим новым положением. И это послужило причиной скорой развязки. Савинков, воспользовавшись отсутствием оконной решетки в комнате, где он находился по возвращении с прогулки, выбросился из окна пятого этажа во двор. Так закончил свой жизненный путь этот, говоря словами А. В. Луначарского, «артист авантюры».

Здесь приведены лишь некоторые факты из истории борьбы с внутренней контрреволюцией в первые годы Советской власти. Но и они дают определенное представление об антинародной деятельности противников Великой Октябрьской социалистической революции, показывают коварное лицо врага и свидетельствуют о революционном гуманизме рабочего класса. Эти факты говорят также о сложной и трудной работе, которую приходилось выполнять чекистам. Вместе со всем народом, руководимые большевистской партией, они обезвреживали очаги контрреволюции, внося свой весомый вклад в дело становления, упрочения и построения социалистического общества. Память об их трудной и героической работе никогда не померкнет.

⁵² Там же, стр. 145—149.

⁵³ Б. Савинков. Последние письма и статьи, М. 1926.